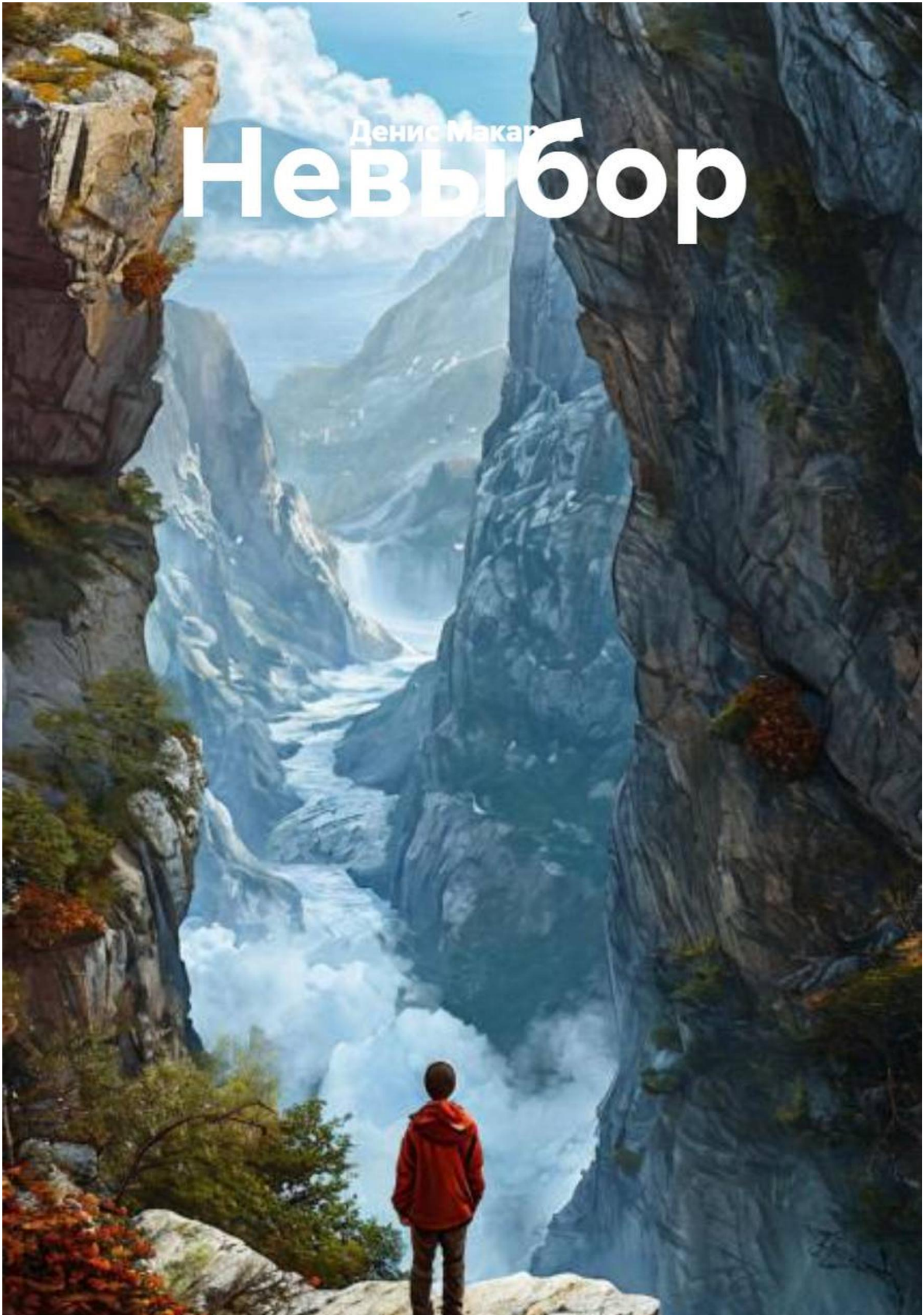

Денис Макар
Невыбор

Денис Макаров

Невыбор

«Автор»
2026

Макаров Д.

Невыбор / Д. Макаров — «Автор», 2026

Жизнь Алексея замерла в тот момент, когда его ладонь не успела схватить сорвавшегося со скалы сына. Трагедия уместилась в один сантиметр — крохотное пространство между спасением и катастрофой. Это драма о человеке, который пытается заново научиться «быть»

© Макаров Д., 2026
© Автор, 2026

Денис Макаров
Невыбор

Глава 1

Будильник не звенел.

Алексей открыл глаза в семь сорок три — позже обычного на восемнадцать минут. Солнце уже перевалило через соседскую лоджию и добралось до подушки. Свет был плотный, августовский, но какой-то осторожный, словно и он не хотел шуметь.

Несколько секунд Алексей просто лежал и слушал. За стеной, у Смирновых, гудел пылесос — значит, уже половина восьмого, Галина по субботам всегда убирается в одно и то же время. Восемь гудков — и тишина, потом снова восемь. Она считает про себя, он знал этот ритм. Когда-то они с Мариной шутили про это: вот, мол, живут люди по расписанию, даже пылесосят с интервалом.

Марина.

Он сел на кровати. Одеяло сбилось в ногах, простыня была тёплая, но не мятая — он почти не двигался во сне. Последнее время он вообще спал как камень: ложился в десять, отключался сразу, просыпался без сновидений. Организм брал своё, хотя голова всё ещё отказывалась участвовать в этом процессе.

Босые ноги нащупали тапочки — левый стоял ровно, правый валялся под кроватью. Он наклонился, достал его и на секунду замер. Под кроватью, у самой стенки, лежал маленький пластмассовый солдатик. Синий, без одной руки. Миша играл с ним в прошлом марте — прятал от кого-то, а потом забыл. Алексей не стал его трогать.

На кухне было светло и пусто. Чайник, остывший до едва тёплого состояния, стоял на подставке — видимо, он включил его по привычке, когда вставал ночью попить. Механическая память тела. Рука сама нажала кнопку, сама налила воду, сама поставила обратно. Сейчас он даже не помнил этого.

Он налил чай в кружку без ручки — любимую Мишину кружку, с нарисованным динозавром, — и сел к столу. За окном шла обычная жизнь: женщина выгуливала собаку (таксу, смешную, на длинном поводке), двое подростков катили на самокатах, старик в клетчатой кепке нёс пакет с кефиром. Город просыпался и делал вид, что всё в порядке.

Алексей знал этот вид. Он сам его делал последние полгода.

Чай был невкусный, но он пил его мелкими глотками, потому что надо было чем-то занять руки. Левая лежала на столе, правая держала кружку. Обычные руки. С виду — ничего особенного: пальцы, суставы, лёгкий загар, обручальное кольцо, которое он так и не снял. Но стоило ему задержать на них взгляд дольше обычного — и начиналось.

Вот правая рука подносит кружку ко рту. Вот опускает обратно. А вот — нет, это было не сейчас, но он видел это так же ясно, как стол перед собой, — рука дёргается вперёд и вверх, пальцы раскрыты, мышцы напряжены до предела. Рывок. Воздух. Сантиметр.

Он моргнул. Рука неподвижно лежала на столе.

— Чай, — сказал он вслух.

Голос прозвучал глухо, словно из другой комнаты. Он редко теперь говорил сам с собой, но иногда это случалось. Слова помогали заземлиться — напоминали, что он ещё здесь, что его тело функционирует, что воздух входит в лёгкие и выходит обратно.

В дверь позвонили.

Алексей не вздрогнул и не удивился. В последнее время его вообще мало что удивляло. Он поставил кружку, подошёл к двери, глянул в глазок. Там стояла мать.

— Открыто, — сказал он и повернул замок.

Мать вошла стремительно, как всегда. В руках пакет: молоко, хлеб, яйца, какая-то зелень, выглядывающая из целлофана. Она оглядела прихожую быстрым хозяйским взглядом и сразу пошла на кухню.

— Ты хоть завтракал? — спросила она, не оборачиваясь.

— Чай пил.

— Это не завтрак. Я сейчас яичницу сделаю. У тебя сковорода чистая?

— Чистая.

Она уже гремела посудой. Алексей прислонился к дверному косяку и смотрел, как мать достаёт из холодильника масло, разбивает яйца, солит, перчит, двигается по кухне уверенно и ловко, как делала это последние тридцать пять лет его жизни. Она была из породы людей, которые умеют справляться. Когда умер отец, она взяла всё на себя: похороны, документы, квартиру, его, пятнадцатилетнего. И сейчас она тоже справлялась.

— Ты с Мариной говорил на этой неделе? — спросила она, помешивая яйца лопаткой.

— Нет.

— Может, позвонишь?

— Зачем?

Мать не ответила. Она выложила яичницу на тарелку, поставила перед ним, села напротив и сложила руки на столе. Было видно, что она хочет сказать что-то ещё, но не решается. Алексей знал её манеру: сначала накормить, потом разговаривать.

— Ешь, — сказала она.

Он послушался. Яичница была вкусная, хотя он почти не чувствовал вкуса. Может, дело было в соли, может, в чём-то другом — он не разбирался. Он просто жевал и глотал, потому что мать смотрела и ждала.

— Лёша, — начала она, когда тарелка опустела наполовину. — Ты когда-нибудь думал о том, чтобы… ну, уехать куда-нибудь? На неделю, на две. В санаторий, не знаю. Или просто в деревню к тётке.

— Я в порядке, — сказал он.

— Я не говорю, что ты не в порядке. Я говорю — отдохни. Тебе надо.

Алексей отодвинул тарелку и посмотрел на мать. У неё были уставшие глаза и слишком плотно сжатые губы. Она волновалась. Она всегда волновалась, даже когда он был маленьким и просто падал с велосипеда. А теперь он упал совсем по-другому, и она не знала, как это починить.

— Я правда в порядке, мам. Я работаю. Я ем. Я сплю.

— Спишь, — повторила она с сомнением. — А что ещё ты делаешь?

Он не ответил. Ответа у него не было.

Мать вздохнула, встала, убрала тарелку в раковину, сполоснула, поставила на сушилку. Потом подошла к нему и положила ладонь на плечо. Ладонь была тёплая и сухая.

— Ты не виноват, Лёша, — сказала она тихо. — Слышишь? Ты не виноват.

Он слышал. Он слышал эти слова уже полгода — от матери, от следователя, от друзей, от коллег, даже от врача скорой, который тогда приехал на место. Все говорили одно и то же. И никто из них не стоял на том выступе. Никто из них не видел Мишины глаза в ту секунду.

— Я знаю, — ответил он. — Спасибо.

Мать постояла ещё немного, потом убрала руку, взяла сумку и пошла к выходу. У двери обернулась:

— Если что — звони. В любое время.

— Хорошо.

Дверь закрылась. В прихожей остался слабый запах её духов — ландыш, что-то недорогое из советского ещё флакона.

Алексей вернулся на кухню и сел на то же место. Кружка с динозавром стояла нетронутой, чай окончательно остыл. Солнце передвинулось ещё дальше и теперь освещало край разделочной доски, на которой лежал забытый матерью пучок укропа.

Он взял кружку, подержал в ладонях и вдруг — без предупреждения, без внутренней команды — увидел Мишу. Вот он сидит на этом самом стуле, болтает ногами и рассказывает про динозавров. Трицератопс — это который с рогами. А диплодок — у него шея длинная-длинная, как шланг. А этот, с крыльями, — птеродактиль, он летать умел.

Птеродактиль. Летать умел.

Алексей аккуратно поставил кружку на стол и закрыл глаза. Где-то в квартире слышалось тихое гудение холодильника, и больше ничего.

Он просидел так до полудня. Потом встал, оделся, проверил ключи и вышел на улицу. Город встретил его привычным ритмом: люди, машины, голуби на карнизе, облака, плывущие в сторону вокзала. Алексей постоял у подъезда секунду-другую и пошёл вправо, в сторону парка, сам не зная зачем. Просто чтобы идти.

Вечером он вернулся, снял ботинки, прошёл на кухню и увидел на столе ту же кружку. Динозавр скалился нарисованной пастью. Алексей взял кружку, сполоснул и убрал в шкаф. Завтра будет другой день. Или не будет. Он не знал. Но чайник всё ещё работал, а свет по утрам всё ещё ложился на стол — ровно, как всегда.

Он лёг в десять. Будильник не ставил. Смысла не было.

Глава 2

За пять дней до того, как всё случилось, Марина сказала:

— Поехали в горы.

Это было воскресенье, они как раз вернулись с дачи, уставшие и довольные. Миша спал на заднем сиденье, привалившись головой к рюкзаку с яблоками. Марина листала телефон и вдруг показала Алексею экран — фотографии какого-то каменного гребня, острого, как зубья пилы, на фоне синего-синего неба.

— Смотри, Таганай. Всего четыре часа от нас. Там тропа на Двуглавую сопку, несложная совсем. Мишке понравится.

Алексей покосился на фотографию.

— Там же камни.

— Ну и что? Мы не на Эверест собрались. Пешая прогулка. У тебя, между прочим, отпуск.

— У меня — да. А у тебя?

— Я возьму за свой счёт. Три дня — не неделя.

Она улыбнулась, и Алексей улыбнулся в ответ. С Мариной всегда было так: она предлагала что-то с такой уверенностью, что отказываться казалось глупо. За десять лет брака они объездили пол-Урала именно потому, что она не могла усидеть на месте, а он не мог ей отказать.

— Ладно, — сказал он. — Посмотрим.

— Вот и посмотрим, — она уже открыла карту и водила пальцем по маршруту. — Тут база отдыха есть, «Гремучий ключ». Забронируем домик на две ночи. Выезжаем в пятницу утром, в субботу поднимаемся, в воскресенье обратно. Отлично же?

— Отлично.

Сзади завозился Миша.

— Куда едем? — спросонья пробормотал он.

— В горы, — сказала Марина, оборачиваясь к нему. — На настоящую гору. Ты же хотел?

— Хотел! — Миша проснулся мгновенно, как умеют только дети. — А она высокая?

— Тысяча метров.

— Ого. А там снег есть?

— Летом нет.

— Жалко, — Миша подумал. — А орлы?

— Что — орлы?

— Орлы там есть?

Марина засмеялась, и Алексей вдруг почувствовал, как внутри что-то отпускает. Последнее время он много работал, мало спал, и мир как-то незаметно съёжился до размеров офиса, квартиры и маршрута между ними. А тут вдруг — горы, орлы, Мишка с его вопросами. И Марина, которая всё это придумала.

— Может, и орлы, — сказал он. — На месте разберёмся.

В пятницу выехали в шесть утра. Марина, как всегда, командовала погрузкой: рюкзаки, термос, бутерброды, дождевики, аптечка, запасные носки, Мишина панамка, крем от загара. Алексей загружал всё это в багажник и чувствовал себя носильщиком при экспедиции, но не возражал.

Трасса была свободная. Миша на заднем сиденье играл в динозавров на планшете, иногда отрываясь, чтобы спросить, сколько ещё ехать. Марина читала вслух описание маршрута: «Тропа начинается от приюта, идёт через смешанный лес, затем поднимается на курумы —

каменные россыпи — и выходит на гребень. С гребня открывается вид на соседние хребты и Златоуст».

— Что такое курумы? — спросил Миша.

— Это такие большие камни, — сказала Марина. — Как будто великан играл в кубики и разбросал.

— А великан настоящий?

— Ну, это легенда такая.

— Расскажи!

Марина отложила телефон и начала импровизировать историю про великана Таганая, который охранял уральские горы от врагов, а когда устал, лёг спать и окаменел, и теперь его спина — это хребет, а курумы — его игрушки. Миша слушал, открыв рот. Алексей слушал тоже и думал, что ему повезло. С Мариной даже простая поездка становилась приключением.

На базу приехали к обеду. «Гремучий ключ» оказался скоплением деревянных домиков, разбросанных по склону среди высоких сосен. Воздух был густой, смолистый, с примесью речной воды и прелых листьев. Пахло августом, детством, покоем.

Заселились в домик номер четыре — две комнаты, кухонька, веранда с видом на лес. Миша сразу нашёл качели, старую автомобильную покрышку, подвешенную на толстой ветке, и принялся раскачиваться. Марина разбирала сумки, Алексей разводил огонь в мангале. К вечеру сидели на веранде, ели шашлык, пили чай из термоса и смотрели, как солнце медленно уходит за деревья.

— Завтра в восемь выходим, — сказала Марина. — Пока не жарко.

— В восемь так в восемь, — согласился Алексей.

Миша уснул быстро, набегавшись за день. Марина ещё сидела рядом с Алексеем, положив голову ему на плечо, и они молчали. Было тихо, только сосны шумели наверху да где-то далеко лаяла собака.

— Хорошо здесь, — сказала она шёпотом.

— Хорошо, — ответил он.

Суббота началась с тумана. Он лежал в низине плотным одеялом, но к восьми уже начал рассеиваться, открывая яркое, промытое небо. Позавтракали кашей с сухофруктами, собрали рюкзаки. Марина взяла с собой фотоаппарат — старую зеркалку, которую таскала во все поездки. Алексей взял воду и аптечку. Миша взял бинокль — искать орлов.

Тропа действительно оказалась несложной. Первый километр шли по лесу: берёзы, сосны, папоротники, иногда переходили деревянные мостки через ручьи. Миша бежал впереди, подбирал шишки, задавал вопросы про каждую птицу и каждый гриб. Марина отвечала,

щёлкала фотоаппаратом, смеялась. Алексей шёл последним, следил, чтобы никто не отставал, и чувствовал, как с каждым шагом из него выходит городская усталость, растворяется в этом сосновом воздухе, утекает в землю вместе с ручьями.

Через час лес кончился. Начались курумы — те самые каменные россыпи, про которые Марина читала в машине. Огромные серые валуны, поросшие лишайником, громоздились друг на друге, образуя хаотичную лестницу. Тропа превратилась в маркированный маршрут между камнями, размеченный белыми полосами на скалах.

— Ничего себе кубики, — сказал Миша, задрав голову. — А великан большой был.

— Очень большой, — согласилась Марина. — Давай руку.

Она взяла Мишу за руку, и они пошли по камням вместе. Алексей следовал за ними на расстоянии нескольких шагов. Он смотрел, как Миша аккуратно переступает с валуна на валун, как Марина поправляет ему панамку, как солнце бьёт в спину, и от этого фигуры жены и сына кажутся тёмными силуэтами на фоне светлого неба. Он подумал, что стоило бы сфотографировать их — но его телефон лежал в рюкзаке, и он не стал останавливаться. Успеется.

Через час подъёма вышли на гребень. Вид открылся сразу, резко, как удар: слева — Златоуст, игрушечные дома, трубы заводов, тонкая нитка железной дороги. Справа — бесконечные леса, зелёные волны, уходящие за горизонт. Впереди — каменный гребень, острый, как спина дракона, и Двуглавая сопка в конце. Ветер здесь был совсем другой — сильный, порывистый, пахнущий высотой и камнем.

Марина ахнула и сразу потянулась за фотоаппаратом. Миша стоял, открыв рот, и смотрел на город внизу.

— Пап, мы выше всех!

— Выше всех, — подтвердил Алексей.

Миша поднял бинокль и начал водить им по горизонту — искал орлов. Марина сделала несколько снимков, потом попросила Алексея сфотографировать её с Мишей. Он взял фотоаппарат, отступил на несколько шагов, поймал в кадр их улыбающиеся лица, синее небо, камни. Щёлкнул. Ещё раз. Ещё.

— Хватит, — засмеялась Марина. — Мы не на обложку.

— Ещё один, — сказал он. — На память.

Потом они сидели на камнях, пили воду, ели бутерброды. Ветер трепал Мишины волосы и норовил унести панамку. Марина рассказывала про то, что видел в этих местах какой-то известный путешественник девятнадцатого века — Алексей не запомнил фамилию. Хорошо было. Просто, спокойно, правильно.

Обратно пошли по тому же гребню. Назад всегда идётся легче, и они не торопились. Миша уже немного устал, но держался бодро — перепрыгивал с камня на камень, иногда при-

седал, чтобы рассмотреть какой-нибудь особенно красивый лишайник. Марина убрала фотоаппарат в рюкзак и шла рядом с Алексеем.

— Надо почаще так выбираться, — сказала она.

— Надо.

— Вот Мишка в школу пойдёт — уже сложнее будет.

— Ничего, на каникулах можно.

Она взяла его под руку, и они пошли вместе. Впереди, метрах в десяти, Миша залез на большой плоский валун и что-то кричал, размахивая руками, — наверное, опять про орлов. Ветер относил его слова в сторону.

Гребень здесь сужался. Слева был довольно крутой склон, усыпанный мелкими камнями, справа — почти отвесный обрыв метров двадцать-тридцать вниз. Не пропасть, но для ребёнка — серьёзно. Тропа шла прямо по краю, и белые метки на камнях вели чуть в стороне от обрыва, ближе к левому склону.

— Миш, иди ближе к левой стороне! — крикнул Алексей.

— Я знаю, пап!

— И не прыгай на камнях, тут скользко после дождя!

— Хорошо!

Миша действительно перестал прыгать и пошёл медленнее. Но он всё ещё был впереди, метрах в семи-восьми, и разглядывал что-то на земле, опустив голову.

Алексей смотрел на него и вдруг заметил то, чего раньше не видел. Прямо перед Мишей, метрах в двух, край обрыва был не таким чётким, как везде. Каменная плита, нависавшая над склоном, имела трещину — тонкую, почти незаметную, но длинную, уходящую от края вглубь тропы. Вода и мороз годами размывали породу, и плита держалась на честном слове. Со стороны это было совершенно не видно, только под определённым углом, и Алексей этот угол как раз поймал.

— Миша! — крикнул он. — Стой!

Миша обернулся.

— Что?

Он сделал ещё шаг — не назад, а вперёд, просто потому что не понял, куда надо двигаться. Левая нога ступила на ту самую плиту. Алексей увидел, как край камня дрогнул, и бросился вперёд.

Десять метров. Семь. Пять.

Миша уже летел. Плита ушла из-под ног вместе с ним — бесшумно, почти невесомо, как кусок декорации. Мальчик не закричал. Он просто исчез с тропы, словно его дёрнул кто-то вниз.

Алексей прыгнул. Он не думал, не рассчитывал — тело сделало всё само. Правая рука метнулась вперёд и вниз, пальцы раскрылись, глаза зафиксировали Мишину оранжевую футболку — вот она, вот рукав, вот воротник. Он схватил. И не схватил.

Пальцы сомкнулись на пустоте в сантиметре от ткани.

Сантиметр.

Всё, что было дальше, Алексей помнил урывками. Маринин крик — долгий, на одной ноте. Камни, катящиеся вниз по склону. Он сам, бегущий вниз, обдирая ладони и колени о камни, спотыкаясь, падая, снова вставая. Маленькое тело внизу, среди валунов, неподвижное, неестественно вывернутое. Оранжевая футболка, на которой теперь было темно-красное пятно.

Он не помнил, как вызывал спасателей. Как кричал в трубку. Как Марина сидела у камня, обхватив голову руками, и раскачивалась вперёд-назад. Как прилетел вертолёт и поднял их в воздух — троих, включая того, кто уже не дышал. И как он смотрел на свою правую руку, лежащую на колене, и видел, что пальцы всё ещё раскрыты. Жест, который остался незавершённым навсегда.

Следователь потом скажет: несчастный случай. Свидетели подтвердят: мальчик шёл по тропе, отец предупредил об опасности, бросился на помощь. Никакого состава преступления. Все документы закроют через месяц. Но это будет потом.

А сейчас Алексей сидел в вертолёте рядом с Мариной и не мог оторвать взгляд от своей руки. Рукав ветровки был разодран, на запястье темнела ссадина. Пальцы всё ещё были живы, подвижны, тёплые. И совершенно пустые.

Завтра он проснётся в своей квартире. Утро ляжет на стол ровно, свет соберётся в правильный пол, чай остынет до нужной температуры. И где-то в строке этого утра будет ошибка — но текст не изменится, даже если проверять его тысячу раз. Потому что ошибка была не в тексте. Она была в том самом мгновении, когда рука рассекла горный воздух. В том сантиметре, который ничего не значил — и значил всё.

Глава 3

Похороны были через четыре дня.

Алексей запомнил их хуже, чем саму гору. Память странно распределила резкость: он до мельчайших деталей помнил трещину на каменной плите, помнил, как дрогнул край, как оранжевая футболка ушла вниз, как ветер пах камнем и пылью, — и почти не помнил кладбища. Остались только обрывки: чьи-то руки, пожимающие его ладонь, чёрные пиджаки, слишком жаркое для августа солнце, Марина в тёмном платке, стоящая отдельно, и комья земли, падающие на крышку гроба с глухим, окончательным стуком.

Он стоял и смотрел на эти комья, и внутри было пусто. Не холодно, не больно — именно пусто, как будто кто-то взял и вынул из него все внутренности, а вместо них положил вату. Он дышал, моргал, даже отвечал на соболезнования — и сам удивлялся, как тело продолжает функционировать без единой команды изнутри.

Следователь позвонил через неделю. Попросил приехать для дачи показаний. Алексей приехал. В кабинете пахло растворимым кофе и старым линолеумом, на стене висел календарь за прошлый год. Следователь, уставший мужчина лет пятидесяти с залысинами, говорил спокойно и даже сочувственно. Задавал вопросы про маршрут, про погоду, про разметку тропы. Алексей отвечал коротко, односложно, глядя в стол.

— Вы предупредили сына об опасности?

— Да.

— За сколько метров до падения?

— Метров за семь-восемь.

— Почему не подошли ближе?

— Я пошёл. Просто не успел.

Следователь покивал, записал что-то в протокол, потом отложил ручку и посмотрел на Алексея поверх очков.

— Послушайте меня. Дело закроют. Там даже вопроса нет — несчастный случай. Свидетели всё подтвердили: ваша жена, туристы, которые шли следом… Вы сделали всё, что могли. Вы не виноваты. Вы понимаете это?

Алексей поднял глаза. Следователь смотрел на него честно и, кажется, с искренней попыткой помочь.

— Понимаю, — сказал Алексей.

И это было правдой. Он действительно понимал — разумом, логически, юридически. Он не толкал сына. Он не выбирал для него опасный маршрут. Он крикнул, предупредил, бросился на помощь. Он сделал всё правильно. Он не виноват.

Но была ещё правда, которая лежала глубже, — правда тела, правда руки. И она говорила совсем другое.

Дома было тихо. Марина уехала к матери сразу после похорон — сказала, что не может находиться в этой квартире. Алексей не спорил. Он вообще теперь мало с кем спорил. Он приходил с работы (работа шла, куда ей деться), садился на кухне и смотрел в одну точку. Иногда ему казалось, что он всё ещё сидит в том вертолёте, и гул винтов никуда не делся, просто стал тише, ушёл куда-то под череп.

Через две недели Марина приехала забрать оставшиеся вещи — свои и Мишины. Алексей открыл дверь и с порога понял: это не возвращение.

Она вошла, не разуваясь, прошла в детскую и начала собирать игрушки в большой пластиковый контейнер. Двигалась быстро, резко, не глядя на Алексея. Он стоял в дверях детской и смотрел, как исчезает по одному Мишина жизнь: динозавры, солдатики, книжки про космос, бинокль, который так и не нашёл орлов.

— Марин, — позвал он.

Она не обернулась.

— Я хочу понять, что теперь, — сказал Алексей. — Мы вообще говорили с тобой после…

— После? — она резко повернулась, и он увидел её глаза. Сухие, красные, но не заплаканные — воспалённые, как после долгой болезни. — После — это когда? Когда ты не успел?

— Марин…

— Ты был рядом. Ты был в нескольких шагах. Ты видел трещину. Ты крикнул ему, но ты не добежал. Ты не успел схватить его за руку. Как это называется, Лёш?

— Это называется «я не успел», — сказал он тихо.

— Нет. Это называется «ты не успел». Ты. Лично ты.

Каждое слово било наотмашь. Алексей чувствовал, как внутри что-то сжимается, но продолжал стоять и смотреть на жену. Он знал, что сейчас она скажет ещё что-то — главное. И она сказала.

— Я не могу на тебя смотреть. Я пробовала. Не могу. Ты для меня теперь не муж. Ты — место, где умер мой сын. Когда я вижу тебя, я вижу тот обрыв. Я вижу, как он падает. Я не могу так жить.

Она замолчала. В комнате повисла тишина — только где-то тикали часы в коридоре да на улице шумели машины.

Алексей смотрел на неё и вдруг подумал: «Вот она, ясность». Та самая холодная вода, которую он когда-то выбрал для себя. Марина сейчас говорила с ним на языке чистой, бескомпромиссной правды. Она не врала, не смягчала, не пыталась сохранить остатки их общей жизни. Она просто констатировала факт: он стал для неё символом смерти их сына, и с этим символом она жить не может.

И он понял её. По-настоящему понял — не умом, а чем-то более глубинным. Потому что он сам для себя стал тем же самым. Он тоже не мог на себя смотреть. Он тоже видел обрыв каждый раз, когда смотрел на свою руку.

— Я понимаю, — сказал он. — Заберёшь всё сейчас?

Марина моргнула, явно ожидавшая спора, слёз, оправданий. Не найдя их, она как-то сдулась, стала меньше ростом.

— Да. Сейчас.

Она собрала контейнер, заклеила скотчем, потащила к выходу. Алексей помог донести до машины. У подъезда она остановилась и, не оборачиваясь, сказала:

— Документы на развод пришлю по почте.

— Хорошо.

Машина уехала. Алексей постоял у подъезда, глядя, как она сворачивает за угол, потом поднялся обратно в квартиру и закрыл дверь.

Детская комната теперь была пустой наполовину. Кровать стояла нетронутой, на стене остались наклейки — звёзды, планеты, ракета. На столе — стакан с карандашами. На подоконнике — забытый Мариной бинокль.

Он сел на Мишину кровать и взял бинокль в руки. Пластик был чуть шершавый, с вытертыми краями. Миша таскал его везде, даже когда не надо было: на дачу, в магазин, в поликлинику. Говорил: «Я разведчик, мне положено».

Разведчик. Семилетний разведчик, который искал орлов в уральских горах.

Алексей поднёс бинокль к глазам. В комнате ничего не изменилось, только стало ближе. Стена с наклейками. Потолок. Окно. Он опустил бинокль и аккуратно положил его на тумбочку, туда, где раньше стоял будильник. Будильника не было — Марина забрала и его.

Потом он вышел на кухню, сел на табурет и долго сидел неподвижно, положив руки на стол. Левая ладонь лежала спокойно. Правая чуть подрагивала.

Он вспомнил слова следователя: «Вы не виноваты». Вспомнил слова Марины: «Ты — место, где умер мой сын». Оба говорили правду — разную, несоединимую, но правду.

И тогда он впервые сформулировал для себя то, что потом станет его личной аксиомой на долгие месяцы вперёд. Не мысль — скорее ощущение, ясное и холодное, как вода после тумана: есть два мира. В одном мире он не виноват. В этом мире камни осыпаются под ногами случайно, и никто не может предугадать, где именно треснет плита. В этом мире отцы кричат, предупреждают, бегут — и иногда не добегают. И это страшно, чудовищно несправедливо, но это не вина. Это жизнь.

В другом мире он виноват. Потому что он отец. Потому что он был рядом. Потому что его рука рассекла воздух в сантиметре от Мишиной футболки. И если он отец — настоящий, всамделишный отец, — он должен был успеть. Должен был схватить, удержать, закрыть собой. А он не успел. Значит, виноват.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.